

— Я же говорил, не смей трогать голову Молодого господина! Совсем страх потерял? — проворчал Мо Ин.

Не дождавшись ответа от И Цунчжоу, он добавил:

— Но, учитывая, что ты геройски спас меня, разрешаю разок коснуться моих рожек.

Тон, с которым он делился чем-то сокровенным, словно предлагал лакомство лишь одному-единственному человеку, заставил И Цунчжоу расслабиться. Его вечно напряженное лицо смягчилось, и на нем впервые промелькнула редкая улыбка.

Волосы Мо Ина рассыпались по плечам, позволяя пальцам И Цунчжоу легко зарыться в них. Движения И Цунчжоу были неспешными: он бережно поглаживал голову, то и дело слегка надавливая подушечками пальцев. Дождь намочил волосы Мо Ина, и оттого каждое прикосновение чувствовалось особенно остро — он ощущал даже длину и форму пальцев И Цунчжоу.

Это напомнило Мо Ину тот самый первый раз, когда И Цунчжоу коснулся его рогов. Тогда ему тоже показалось, что что-то не так, но он не мог понять, что именно. От этих мыслей его уши тихонько покраснели.

— Больше нет.

— Что? — не понял Мо Ин.

Перед глазами стояли его выступающие лопатки, изящная линия талии в полумраке, круглый пупок, показавшийся, когда он повернулся... Всего лишь мимолетный взгляд, но он навеки врезался в память. Как бы он ни пытался забыть, стереть этот след было невозможно.

Дикие джунгли — не место для суккуба. Такая гнетущая обстановка заставляла его нервничать.

Масло в огонь — и лесной пожар не остановить.

Он подобрал хворост, умело развел костер и рассыпал вокруг белый порошок.

— Что с тобой? Почему ты такой красный? Тебе нехорошо?

И Цунчжоу, немного восстановив силы, достал из-за пазухи огниво, поджег оторванный лоскут ткани и бросил его в сторону. В свете пламени он заметил неподалеку огромную сухую ветку, которую, должно быть, притащил сюда какой-то зверь.

Мо Ин задал этот вопрос, чтобы И Цунчжоу не впал в любовную горячку, и пытался отвести от него всех потенциальных кандидатов. Ответ его обрадовал:

— Вот и отлично!

Глядя на статную спину И Цунчжоу, он вдруг спросил:

— Цунчжоу, а какие мужчины тебе нравятся?

Услышав голос, Мо Ин обернулся:

— Цунчжоу, ты вернулся! Скорее иди к огню, погрейся, а то простудишься.

— Нет нужды. — И Цунчжоу знал, что использование внутренней энергии лишь усилит действие яда гу, но хотел как можно скорее избавиться от мучительного жара.

— Куда же делся тот листок? — Мо Ин обыскал всё вокруг, не находя записи, которую сделал после сбора душ. — Наверное, потерял, когда падал со скалы. В такой ливень бумага наверняка размокла, ничего страшного.

И Цунчжоу расслышал слова о сборе душ, но расспрашивать не стал, лишь снова погладил его по голове.

Неведающий об опасности суккуб продолжал беззаботно приближаться.

— Нет, — голос И Цунчжоу охрип. Он бросил сухие ветки и подошел к выходу, вглядываясь в дождевую завесу.

Мо Ин вздохнул и осторожно ступал, стараясь не поскользнуться. Он внимательно смотрел под ноги, пока И Цунчжоу указывал ему путь.

— С чего бы мне любить мужчин?

— На северо-востоке есть пещера, пойдем туда переждем.

Нежный голос раздался у него за спиной.

Распределение задач было случайным, и никто не смотрел, кто есть кто — просто И Цунчжоу родился не с той ориентацией.

От тела И Цунчжоу повалил пар, и одежда высохла в мгновение ока. Хотя это был лишь базовый навык для воина в походе, Мо Ин смотрел на него с нескрываемым восхищением. И Цунчжоу плотно сжал губы, чтобы не выдать своих чувств:

— Я схожу за ветками внутрь.

— Рогов больше нет.

— Как так? — Мо Ин слегка подтолкнул И Цунчжоу вверх и быстро провел рукой по макушке — там действительно было гладко.

И Цунчжоу отшатнулся, словно от ожога, но стоило ему закрыть глаза, как перед мысленным взором вновь возникал Мо Ин.

Мо Ин заметил, как И Цунчжоу сцепил пальцы за спиной, и выпалил:

— Наш маленький суккуб стесняется? Ничего страшного, снимай одежду, я её просушу.

В горле пересохло.

Он похвалил И Цунчжоу за зоркость и помог ему войти внутрь. Вход был узким, но внутри оказалось просторно. Мо Ин не рискнул заходить вглубь и усадил его на относительно чистом месте.

— Это и есть та самая внутренняя энергия? Как удобно! Завидую, — Мо Ин был без одежды, и от ветра у входа его пробирал холод, поэтому он присел у костра.

— Иди сюда, ты слаб, нельзя сидеть в мокром.

Видя, как Мо Ин с любопытством и недоумением вращает глазами, молчаливый И Цунчжоу пояснил:

— Огонь отпугивает зверей и помогает согреться, а порошок защищает от насекомых и змей.

— Откат от сбора душ оказался таким сильным, что даже рога исчезли, — Мо Ин приуныл, но не хотел, чтобы маленький суккуб видел его подавленным. — Впрочем, ничего, скоро должно пройти.

Мо Ин подошел ближе и искренне сказал:

— Ты такой сильный!

По пути им попадалось немало разбитых паланкинов и трупов — как людей, так и лошадей.

— Нет, — И Цунчжоу бросил взгляд на прямую спину Мо Ина и, опираясь на каменную стену, медленно поднялся.

— Цунчжоу, а там внутри нет диких зверей? — тихо спросил он.

Успокойся, нужно во что бы то ни стало успокоиться.

Взгляд упал на кожу, нежную, как спелый персик: на белизне проступали два розовых пятнышка, словно крошечные вишенки, так и манившие попробовать их на вкус.

Мо Ин соорудил каркас над огнем и развесил одежду, оставшись лишь в штанах. Его кожа была невероятно белой, словно лучший бараний жир, — ни единого изъяна. Мокрые волосы прилипли к спине, скрывая часть тела, но не пряча ямочки на пояснице.

Неудивительно, что задание провалено. Он, натурал, попал в историю о чистой любви — как тут разрушить страну? Проще было бы закончить пьесу в самом начале.

Мо Ин увидел, что пещера скрыта за деревом и густыми лианами — удивительно, как И Цунчжоу удалось её найти.

Но когда он вернулся с охапкой дров, его глаза невольно зацепились за эту фарфоровую белизну.

Мо Ин радостно запел под нос. И Цунчжоу подумал: неужели он так счастлив?

Неужели он настолько не чувствует себя в безопасности, что ему нужно убедиться, что он не любит других мужчин, чтобы успокоиться?

Мо Ин часто называл его маленьким суккубом, но он никогда о таких не слышал. Монстр, питающийся эссенцией? Не похоже. Лиса-оборотень, высасывающая янскую энергию? Нет, в нем нет этой чарующей ауры.

Пока он размышлял, Мо Ин вздохнул:

— Знаешь, пока никого нет, самое время сбежать. Но момент еще не настал. Великий государь, где же ты? Мир и процветание, где вы? Почему нельзя позволить мне поскорее закончить задание?

И Цунчжоу нахмурился. На мгновение жажда убийства вернулась к нему, и он глухо произнес:

— Ты хочешь процветания?

— Кто же не хочет? Как было бы здорово, если бы народ жил в мире и достатке.

Едва он договорил, лицо И Цунчжоу изменилось — он услышал шаги снаружи.

Он быстро схватил плащ Мо Ина, оставленный на ветке, и в два шага оказался рядом.

Взмахнул краем плаща с тонким узором, плотно укутывая Мо Ина.

И Цунчжоу, потерявший меч, встал перед ним, готовый к защите.

Шаги приближались. Чья-то рука с четко очерченными суставами раздвинула лианы на входе, и показалась женщина в красном, с закрытым вуалью лицом.

Увидев её, Мо Ин выпалил:

— Госпожа Сюэ!

Это обращение заставило и Линь Сюэ, и И Цунчжоу замереть — в их глазах отразилось сложное чувство.

Мо Ин, завернутый в плащ, выглянул из-за спины И Цунчжоу:

— Госпожа Сюэ, вы... вы тоже упали? Не поранились?

Линь Сюэ увидела его лицо без маски, в её глазах мелькнуло удивление, она скользнула взглядом по его тонким белым лодыжкам, но промолчала.

— Скорее к огню, ваша одежда тоже промокла, можно просушить. — Столкнувшись с такой катастрофой и видя столько трупов по пути, Мо Ин был искренне рад каждому выжившему.

— Не... не волнуйтесь, мы не будем смотреть. Моя одежда почти высохла, можете взять мою. Идите вглубь, переодевайтесь, а мы пока присмотрим за вещами.

Линь Сюэ, у которой были видны только глаза, сохраняла свой холодный, неприступный вид. Она посмотрела на Мо Ина, но взгляд её задержался на И Цунчжоу.

Когда Мо Ин уже решил, что она откажется, раздался бесстрастный голос:

— Хорошо.

Мо Ин радостно потянулся к каркасу за одеждой.

Но как только он коснулся ткани, И Цунчжоу перехватил его руку:

— Нельзя.

Только сейчас Мо Ин вспомнил, что он император, а на нем — драконье одеяние. Если его наденет кто-то другой, это карается смертью.

Он виновато пробормотал:

— Госпожа Сюэ, прошу прощения... это...

Линь Сюэ заметила жест И Цунчжоу, и её взгляд стал ещё холоднее. Вдруг она схватилась за голову, будто ей стало невыносимо больно.

— Госпожа Сюэ, что с вами?

Как и ожидалось, рыбка клюнула на крючок, и Мо Ин тут же проявил заботу.

— Старая болезнь обострилась, голова болит.

Её голос звучал так слабо, что Мо Ин не выдержал и неуклюже почесал затылок:

— Но у меня нет лекарств.

— Лекарство не нужно, пусть кто-нибудь помассирует виски.

И Цунчжоу метнул на Линь Сюэ взгляд, острый, как стрела.

Линь Сюэ осталась невозмутимой, в её глазах застыл холод.

— Это... — здесь были только он и маленький суккуб, а суккуба он сам занес на спине, не мог же он заставить его.

Заставить социофобного суккуба подойти к девушке было сложнее, чем достать луну с неба, но, видя её страдания, Мо Ин стиснул зубы:

— Позвольте мне...

В этот момент И Цунчжоу внезапно согнулся.

Мо Ин перепугался:

— Что случилось? Где болит? Скорее, присядь отдохни.

Плащ только мешал, поэтому Мо Ин снял его, сбегал вглубь пещеры, переоделся, быстро вернулся и, расстелив плащ у стены, помог И Цунчжоу сесть.

В спешке он даже не успел нормально застегнуть одежду — она висела свободно, обнажая большую часть груди.

И Цунчжоу закрыл глаза и отвернулся.

Мо Ин, забыв обо всех остальных, вытирал холодный пот с его лба, его беспокойство было очевидно.

Он постоянно трогал лоб И Цунчжоу, проверяя, нет ли жара:

— Послушай меня, вернемся — сразу в постель, пусть лекари выпишут лекарства. Что это за болезнь такая, что так тебя мучает? Держись, не смей умирать, слышишь?

Линь Сюэ, стоявшая позади, видела всё. Она не упустила из виду, что Мо Ин стоял на коленях.

Он не император. Император не обладает иммунитетом к ядам, император не называет себя я, и император никогда не встанет на колени рядом с подчиненным только из-за того, что слишком сильно волнуется.

Уголок губ Линь Сюэ дрогнул в усмешке. Интересно, кто же он такой, раз заставил этого безумца И Цунчжоу добровольно разыгрывать спектакль с самопожертвованием?

Мо Ин поил И Цунчжоу водой, обмахивал его, стараясь облегчить страдания в этой сырости. Спустя долгое время он увидел, что тот открыл глаза, и помог ему подняться:

— Тебе лучше? Есть силы?

И Цунчжоу кивнул.

Мо Ин облегченно выдохнул:

— Ты меня до смерти напугал.

За всеми этими хлопотами день подошел к концу.

Мо Ин потратил много сил, и в животе заурчало, но в глуши еды не было, и он подавил голод.

Вдруг перед ним возникла лепешка, завернутая в вощеную бумагу.

Мо Ин удивился:

— Цунчжоу, да у тебя всё есть! Ты просто мастер на все руки, незаменимый помощник в любом деле.

И Цунчжоу, привыкший к военным походам, часто голодал, когда заканчивались припасы, поэтому завел привычку всегда носить с собой еду.

Похвала его не обрадовала. Он думал лишь о том, как такой человек, как Мо Ин, может есть эту грубую пищу?

Слишком грубо. Мо Ин такой нежный и изысканный, как он может есть такое вместе с ним?

Мо Ин хотел откусить, но вспомнил, что рядом девушка, нельзя же есть в одиночку.

Он подошел к Линь Сюэ, разломил твердую лепешку и протянул ей:

— Держи.

Когда Линь Сюэ вошла, её одежда была насквозь мокрой.

У Мо Ина в обуви тоже стояла вода, и, чтобы ногам было комфортнее, он не стал завязывать её, а просто накиннул на пятки.

Ступив на влажный пол, он поскользнулся и полетел вперед.

И Цунчжоу тут же бросился на помощь, пытаясь поймать его.

Но было поздно.

Мо Ин рухнул прямо на Линь Сюэ, и, как назло, его левая рука приземлилась ей на грудь.

Он чуть не лишился чувств, отдернул руку, словно обжегся.

И Цунчжоу, приземлившийся рядом, помрачнел.

— П-прости... — Мо Ин не знал, что его доброта обернулась такой неловкостью, и сгорел со стыда. — Сюэ... Сюэ...

Он даже имя не мог выговорить.

Видя, что Мо Ин всё еще в объятиях Линь Сюэ, И Цунчжоу схватил его за пояс и поднял. Затем он поправил его распахнувшуюся одежду, плотно запахнув её.

Заметив, что уши Мо Ина покраснели от стыда, он с железным лицом схватил его за запястье и оттащил в сторону.

Когда расстояние увеличилось, Мо Ин постепенно успокоился.

Честно говоря, в момент падения он был настолько напуган, что даже не почувствовал, на что именно легла рука. Но сказать это в присутствии девушки было бы оправданием.

— Госпожа Сюэ, это... это моя вина.

— Правда? И как же император собирается компенсировать это простолюдинке? Не должен ли он взять на себя ответственность?

Такая холодная девушка — и вдруг говорит такое? Мо Ин был удивлен, но решительно покачал головой:

— Н-нет! — Он рано или поздно покинет этот мир и не может портить жизнь девушке.

Вспомнив, что он говорил Наложнице Сюань, он смущенно произнес:

— Я... я люблю мужчин.

— Я... я помогу тебе устроиться во дворце. Девушке не обязательно выходить замуж, карьера — это куда интереснее.

Линь Сюэ удивилась:

— Женщины никогда не бывали при дворе, боюсь, другие чиновники не согласятся.

Пусть не соглашаются, пусть лучше свергнут его, непутевого императора!

— Плевать на них! Кто сказал, что женщины слабее мужчин? Возможно, в будущем ты добьешься даже больших успехов, чем твой старший брат!

Линь Сюэ замолчала.

И Цунчжоу, слушая их разговор, вдруг закашлялся.

Внимание Мо Ина тут же переключилось:

— Ты устал? Хочешь отдохнуть? — У него в руках осталась половина лепешки, он отломил кусочек и поднес к губам И Цунчжоу. — Поешь немного, может, станет лучше.

Линь Сюэ молча наблюдала за этим и вдруг встала:

— Неужели возлюбленный императора — это Генерал Чанпин?

И Цунчжоу замер с открытым ртом.

Мо Ин спокойно скормил ему лепешку и покачал головой:

— Нет, не он.

Какой еще возлюбленный? Это он всё выдумал, разве можно сравнить кого-то с его маленьким суккубом? Он пришел в этот мир, чтобы спасти его, И Цунчжоу для него важнее всего.

— Тот человек гораздо важнее любого возлюбленного.

И Цунчжоу слушал это, глядя в ясные, прозрачные глаза Мо Ина, на его пушистые ресницы, и забыл, как жевать.

Мо Ин покормил И Цунчжоу, съел пару кусочков сам.

Становилось всё темнее. Неизвестно, сможет ли Стража в черных одеждах найти их сегодня. Беспокоясь за состояние И Цунчжоу, он расстелил плащ у стены:

— Цунчжоу, иди сюда, прислонись ко мне и отдохни.

И Цунчжоу был выше, и устроиться было непросто, но в итоге Мо Ин сам прислонился к его плечу.

Он так устал после спасения и искусственного дыхания, что вскоре провалился в сон.

Как бы гладка ни была стена, она всё равно была жесткой, и от его нежной кожи наверняка останутся красные следы.

И Цунчжоу лишь на мгновение задумался об этом, но тут же отогнал мысли. Он осторожно уложил Мо Ина, позволив его голове покоиться на своих коленях.

Мо Ин свернулся калачиком, поерзал, устраиваясь поудобнее, вцепился в его рукав и крепко уснул.

В летних джунглях звенели цикады и квакали лягушки.

Огонь отбрасывал теплые оранжевые блики на лицо Мо Ина. Глядя на его спящее лицо, И Цунчжоу почувствовал, как шум вокруг стихает, а сердце обретает покой.

Линь Сюэ тоже прислонилась к стене, посмотрела на И Цунчжоу и произнесла:

— Тот, у кого есть слабое место, умрет жалкой смертью.

Низкий холодный мужской голос.

Между ними горел костер, их взгляды встретились в воздухе.

Оба были пугающе холодны.

Линь Жучэнь и не ждал, что И Цунчжоу ответит, поэтому не удивился.

Но когда он увидел Мо Ина, мирно спящего на коленях И Цунчжоу, и заметил улыбку на его лице даже во сне, в его вечно спокойном сердце вдруг зародилось раздражение.

<http://bllate.org/book/18645/1796329>